

После кризиса?

После кризиса?

Роберт Б. Зеллик
Президент
Группы организаций Всемирного банка

Высшая школа международных исследований им. Пола Г. Нитце
при университете им. Джонса Хопкинса

28 сентября 2009 года

Большие потрясения становятся причиной появления ударных волн, еще больше надламывающих существующий политический и экономический порядок и системы безопасности. Иногда прежние порядки рушатся. Однако народы и их лидеры в силах определить направление перемен.

Сегодня люди в большинстве своём думают, что, когда Эдмунд Бёрк писал свои «Размышления о революции во Франции», он осуждал революцию, в ходе которой уже были казнены король и королева, уже был развязан террор. Однако он опубликовал свой труд в 1790 году, когда по брусчатке Парижа еще не стучали повозки, доставлявшие осужденных к месту казни, а толпа не взрывалась криками, приветствуя работу гильотины.

События 1789 года стали одним из величайших потрясений в истории. Невзирая на мудрые предостережения Бёрка, большинство его современников ожидали, что Франция пойдёт по «английскому пути» конституционной демократии.

Отзвуки исторических событий могут сказаться и на отдалённых эпохах. Когда через сто с лишним лет после Французской революции премьер-министру Китая Чжоу Эньлаю задали вопрос о том, какими, на его взгляд, были её последствия, он, как говорят, ответил: «Ещё слишком рано судить».

В этом году исполняется 20 лет мирной революции 1989 года. События, потрясшие Европу в тот год и столь отличающиеся от событий 1789 года, положили конец «холодной войне». Они привели к падению Берлинской стены, принесли свободу Центральной и Восточной Европе, повлекли за собой создание объединенной демократической Германии и воссоединение Европы, распад Советского Союза и возрождение России. Для многих эти прошедшие бурной волной события действительно означали «конец истории» – название, которое, как известно, дал им мой друг и ваш преподаватель Фрэнк Фукуяма. Однако за ними последовали новые главы «европейской хроники» — рост рядов объединения, которое стало Европейским Союзом, создание общей валюты и расширение НАТО.

Хотя основное внимание в это время было приковано к Европе, ростки нового пробивались в это время по всему земному шару. Соглашение НАФТА открыло возможности для коренной переориентации Мексики, в том числе в направлении демократизации и потенциального углубления интеграции в Северной Америке; создание АТЭС означало становление нового «открытого регионализма», позволяющего укрепить связи между быстро развивающимися странами Восточной Азии и американскими государствами, расположенными на побережье Тихого океана; а созданная по решению ООН коалиция пресекла грубую агрессию Ирака против Кувейта и проложила путь к Мадридской конференции, которая стала началом переговоров между Израилем и арабскими государствами. Эти ростки будущих изменений были посажены лидерами, думающими о будущем и способными увидеть те возможности, которые несут в себе сейсмические сдвиги и изменяющиеся тенденции.

Опыт, который мне удалось накопить с того времени и по сегодняшний день, укрепил меня в мысли о том, что события происходят в непрерывном потоке времени. Как указывал Бёрк, «общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешним, прошлым и будущим поколениями».

Результаты не predeterminedены. Они определяются как событиями, так и целенаправленными действиями.

В 2009 году мы переживаем новые потрясения, изменяющие наш мир. Как они повлияют на будущее?

Сегодняшние потрясения не возникли из ничего. Семена были брошены в почву раньше.

В последние 20 лет в экономике происходили огромные изменения. Крушение систем плановой экономики в Советском Союзе и странах Центральной и Восточной Европы, экономические реформы в Китае и Индии, стратегии опирающегося на экспорт экономического роста в Восточной Азии – всё это способствовало развитию мировой рыночной экономики, в орбиту которой вместо прежнего 1 миллиарда сегодня вовлечено от 4 до 5 миллиардов человек. Эти перемены несут в себе огромные возможности. Однако они потрясли международную экономическую систему, сложившуюся в середине XX века и претерпевшую лишь незначительные изменения в последующие десятилетия.

В определенной мере семена нынешних проблем были посеяны принятием – или непринятием – мер в ответ на финансовые кризисы конца 1990-х годов. После азиатского финансового кризиса развивающиеся страны пришли к выводу, что оставаться незащищенными перед бурями глобализации впредь недопустимо. Многие «страховали» себя путем регулирования валютных курсов и накопления гигантских валютных резервов. Некоторые изменения такого рода способствовали формированию дисбалансов и точек напряженности в мировой экономике, но в течение ряда лет правительствам удавалось с грехом пополам проводить эту политику на фоне, в целом, неплохих показателей экономического роста.

Центральные банки не устранили риски, нараставшие в условиях новой экономики. Казалось, что в 1980-е годы им удалось обуздать инфляцию товарных цен, однако большинство из них решило, что вздувание цен на активы трудно выявить и ограничить средствами кредитно-денежной политики. Они утверждали, что, после того, как эти пузыри лопнут, ущерб для «реальной экономики» – для занятости, производства, накоплений и потребления – можно сдержать путем агрессивного снижения процентных ставок. Оказалось, что они ошибались.

Органы, отвечавшие за регулирование деятельности финансовых учреждений и надзор за ними, оказались далеки от реальной действительности. Финансовые инновации и конкуренция многократно расширили сферу услуг, которыми теперь пользовались и те компании и семьи, которые в прошлом зачастую оставались в стороне, однако соблазнительная простота теории «рациональных рынков» привела к тому, что регулирующие органы выпустили из поля зрения проблемы психологии, организационного поведения, системных рисков, а также сложную природу рынка и человека.

Как и в прошлом, те действия, которые мы предпринимаем сегодня, определяют облик будущих возможностей и будущих вызовов.

Нам необходимо извлекать уроки из прошлого, но не ограничиваться ими. Слишком часто мы готовимся к борьбе с прошлым кризисом, а не предвосхищаем будущий. Единственное, в чем мы можем быть уверены, – это то, что на протяжении вашей жизни случатся новые потрясения, и что они будут отличаться от тех, с которыми нам приходится иметь дело сегодня.

Вам повезло: все вы в Высшей школе международных исследований можете подготовиться к тому, чтобы внести свой вклад в решение этих проблем, и я надеюсь, что так вы и поступите. Изучая опыт прошлого, вы, возможно, спрашиваете себя: как изменит наш мир нынешний кризис?

В 1944 году участники конференции в Бреттон-Вудсе выбрали правильный момент для заключения нового глобального соглашения. За три недели, проведенные в Нью-Гэмпшире, они выработали систему правил, институтов и процедур, регулирующих финансовые и торговые отношения в мировой экономике.

За последние 65 лет наш мир чрезвычайно изменился – не в последнюю очередь из-за перемен 1989 года. Нынешние потрясения еще сильнее меняют привычную картину.

Уже просматриваются возможные изменения в соотношении сил, в институтах, в международном сотрудничестве. Отчасти такие изменения будут определяться тем, как сторонам удастся адаптироваться к новой ситуации, отчасти – скоростью восстановления мирового экономического роста, отчасти – переменами

в составе тех, в чьих руках находятся мировой капитал, технологии и людские ресурсы, и в том, как они их используют, отчасти – тем, как страны сотрудничают – или не сотрудничают – между собой.

Экономическая мощь после кризиса: представления и реалии

Сегодня считается, что в посткризисной политической экономии найдет свое отражение рост влияния Китая, возможно – Индии и других крупных развивающихся стран. Предположительно, уменьшится экономическая мощь и влияние Соединенных Штатов, находящихся в эпицентре финансового кризиса.

Оснований для подобного представления достаточно. В ответ на кризис Китай принял активные меры как в сфере стимулирования экономики, так и в сфере монетарной политики, и, как представляется, он располагает весомыми финансовыми средствами для того, чтобы поддержать эти первые шаги. Китаю удалось добиться быстрого восстановления экономики; это помогло другим странам и продемонстрировало рост влияния Китая.

Собственно говоря, сегодня Китай выступает в качестве стабилизирующего фактора в мировой экономике. В совокупности на Китай и Индию приходится 8,5 процента мирового производства. По темпам роста экономики они и другие развивающиеся страны значительно опережают развитые государства.

И всё же... Будущее Китая еще не вполне определено. Быстрое восстановление его экономики в 2009 году было подстегнуто накачкой кредитных ресурсов, объем которых в первые восемь месяцев этого года был эквивалентен 26 процентам ВВП. Сейчас этот вал спадает, и власти, по всей вероятности, пойдут на его дальнейшее ограничение, поскольку опасаются того воздействия, которое он может оказать на стоимость активов, качество активов и, в конечном итоге, на инфляцию в целом. В 2010 году Китаю еще предстоит столкнуться со значительными факторами неопределенности.

Лидеры Китая осознают эти риски, в том числе и продолжающуюся зависимость Китая и других стран с развивающейся экономикой от роста на основе развития экспортной базы. Китаю будет нелегко переориентироваться на увеличение внутреннего спроса, особенно в целях обеспечения роста потребления, что могло бы помочь сбалансировать рост мировой экономики и способствовать решению поставленной Китаем задачи по созданию более «гармоничного общества». Китайский протекционизм в отношении сектора услуг и, в том числе, финансовых услуг, ограничивает возможности предпринимателей и рост производительности.

В свою очередь, Соединенные Штаты серьезно пострадали от этого кризиса. Но Америке свойственно быстро оправляться от неудач, адаптироваться к новым обстоятельствам и перестраиваться.

Будущее Соединенных Штатов зависит от того, удастся ли стране – и каким образом – решить проблему огромного дефицита, восстановить рост экономики, не допустив инфляции, которая может подорвать их кредитную систему и валюту, и внести изменения в свою финансовую систему, сохранив инновации, но при этом повысив ее безопасность и устойчивость. Соединенным Штатам необходимо также помогать людям адаптироваться к изменениям, чтобы, тем самым, сохранить свои главные козыри – открытость в отношении торговли, инвестиций, людей и идей. Специалисты по вопросам глобальной политики будут пристально следить за возможными признаками того, что экономические неурядицы в США влекут за собой ослабление их веры в собственные силы, энергии и ресурсов, позволяющих в сотрудничестве с другими странами защищать свои интересы по всему миру.

Япония стала первой ведущей индустриальной державой, претерпевшей вслед за экономическим кризисом политические потрясения. Победа на выборах Демократической партии Японии может – впервые в истории страны – привести к созданию устойчивой двухпартийной системы.

Япония восстала из пепла Второй мировой войны как «торговое государство», образец экспортоориентированной модели экономического развития. Неясно, однако, сохранит ли прежняя модель экономического роста устойчивость в условиях более «сбалансированной» мировой экономики, которая не столь однозначно ориентируется на американского потребителя. У стареющего населения Японии возникнут новые нужды в области потребления. Мировая экономика с несколькими полюсами роста могла бы открыть

Японии новые рынки, особенно с учетом её впечатляющей способности экономно использовать энергоресурсы.

Мир будет с огромным интересом следить за выработкой японской внешней политики, которая может основываться на принципах межпартийной преемственности и принятия страной на себя новых обязанностей. В основу такой внешней политики может быть положен опыт Японии в сфере развития. Япония могла бы углублять сотрудничество с другими азиатскими и тихоокеанскими государствами – членами АСЕАН, с Австралией, Китаем и Кореей, сохраняя при этом свою роль в мире, прежде всего, за счет развития отношений с Соединенными Штатами. Возможности в сфере развития, имеющиеся в Африке, Латинской Америке, Центральной Азии и на Ближнем Востоке, также позволили бы Японии «преуспеть, совершая добрые дела».

Европейский Союз, возможно, промедлил с признанием того, что этот экономический кризис является первой серьёзной проверкой для «новой Европы», возникшей в результате революций 1989 года. Однако период адаптации прошел сравнительно быстро, и в результате европейские институты, возможно, укрепятся.

Страны Центральной и Восточной Европы особенно сильно пострадали от кризиса. И их проблемы ещё далеко не решены. Однако, по крайней мере, для членов Европейского Союза решающую роль сыграла помощь, предоставленная Европейской Комиссией, Европейским банком реконструкции и развития и Европейским инвестиционным банком при поддержке со стороны Группы организаций Всемирного банка. Судя по всему, европейские банки, инвестировавшие средства в страны Центральной и Восточной Европы, не уходят из них. В стратегическом плане хорошая новость заключается в том, что европейские государства, невзирая на все внутренние разногласия и переговоры, признали свою взаимозависимость. В данном случае в сложной обстановке Европа сохранила свое единство.

Решающую роль в этом сыграл Европейский центральный банк под мудрым руководством своего президента Жана-Клода Трише. ЕЦБ проводил тщательно сбалансированную политику, поддерживая европейскую финансовую систему, даже помогая европейским странам, не входящим в зону евро, и, в то же время, поддерживая доверие к евро. В результате новые члены ЕС, остающиеся за пределами Еврозоны, вполне возможно, будут стремиться войти в неё, чтобы обрести стабильность.

Однако в сложные для экономики времена Европейскому Союзу все же приходится заниматься укреплением ряда «слабых мест». Его энергетическая уязвимость даёт основания для беспокойства, усугубляя сложные отношения с восточными соседями, в первую очередь, с Украиной и Россией. Ещё не потушен огонь на Балканах, и невнимание к Боснии может возродить сомнения в способности ЕС обеспечить безопасность даже на своём континенте. ЕС и Турции ещё предстоит выработать общий взгляд на своё общее будущее. По мере старения собственного населения Европе придется также решать непростые задачи интеграции иммигрантов.

Для Юго-Восточной Азии кризис, возможно, тоже стал толчком к росту – в зависимости от того, как будут использованы появившиеся возможности. Этот регион находится между двумя растущими экономическими державами – Китаем и Индией. Как представляется, АСЕАН уловила момент и приняла меры для углубления интеграции между своими членами, развивая при этом контакты и с другими странами.

Учитывая значительный экономический вес Индонезии и растущее влияние Вьетнама, их эффективные действия в разгар экономических потрясений резко отличаются от того, что было десять лет назад. Однако в таких странах, как Таиланд и Малайзия, на повестке дня остаются вопросы структурных реформ и политических преобразований. Открытым остается и вопрос о том, насколько другие страны признают растущее влияние АСЕАН. Как представляется, Китай и Индия это делают – но последуют ли этому примеру Северная Америка и Европейский Союз?

Что касается других стран, то долговременное воздействие кризиса может зависеть от цен на сырьё, в первую очередь, на нефть, которая в последние годы приносила большую прибыль. Когда нефть стоит 100 долл. США, эти страны сильны. Когда цена опускается до 30 долл. США, большинство таких стран сталкивается с серьёзными проблемами. Подобная зависимость от нефти и другого сырья – это слишком шаткий базис, чтобы строить на нем экономику в мире, который добивается снижения своей зависимости от органического топлива, и в котором цены на сырьевые товары колеблются в широких пределах по мере того, как инвесторы вкладывают свои средства в этот «класс активов» или изымают их из него. Сумеют ли страны разумно распорядиться этими доходами, направляя их на диверсификацию и расширение базы своего

экономического развития? Этот вопрос актуален для России, стран Залива и некоторых государств Латинской Америки и Африки.

Понимание того, как изменяется соотношение сил, крайне важно для того, чтобы определить будущее. Это хорошо понимали участники конференции в Бреттон-Вудсе. Политические основы этой системы удалось выработать благодаря совместно усвоенным урокам невыполнения принятых после Первой мировой войны обязательств и чёткому учёту соотношения сил после Второй мировой войны. Измените это соотношение сил – и характер объединяющих их рынков – и система перестает работать. Давайте рассмотрим несколько примеров.

Останется ли доллар США ведущей резервной валютой?

На смену Бреттонвудской валютной системе в 1973 году пришли плавающие курсы валют; при этом доллар стал основной мировой резервной валютой. При всех сомнениях относительно надежности доллара как резервной валюты, его значение в ходе кризиса усилилось, поскольку он выступал в качестве надежной гавани для инвесторов.

Соединённым Штатам невероятно повезло с этим особым статусом доллара. Когда я веду дела со странами, правительства которых напрягают все силы, чтобы покрыть бюджетные расходы или дефицит торгового баланса, я думаю о том, что американцы ни на секунду не задумываются над тем, какие уникальные преимущества даёт возможность свободно выпускать облигации и печатать деньги. В истории наполеоновских войн есть много страниц, повествующих о великих кампаниях и битвах, но, в конечном итоге, победу Британии и возглавляемой ею коалиции принесло довольно скучное событие – осуществлённое Питтом оздоровление британской кредитной системы.

Соединенные Штаты ошиблись бы, считая, что доллару гарантирована роль основной мировой резервной валюты. В перспективе будет появляться все больше вариантов замены доллара.

С учетом мер, принятых ЕЦБ в ответ на кризис, есть всё больше оснований полагать, что привлекательность евро будет расти. Влияние евро будет частично определяться тем, насколько конкурентоспособными окажутся в ближайшие годы страны – члены ЕС, а также глубиной и ликвидностью их финансовых рынков. Свою роль сыграет также демографическая ситуация и перспективы экономического роста. Однако в условиях слабости доллара финансирование посредством евро представляет собой достойную альтернативу.

Кроме того, свою валюту на международную арену постепенно выводит Китай. Китай упрощает для своих торговых партнеров возможность вести дела в юанях – например, путем валютных свопов. В этом месяце мы, возможно, станем свидетелями подобного изменения и в мире инвестиций: Китай впервые выпустил суверенные бонды в юанях для зарубежных инвесторов. Недавно Китай объявил, что к обращению на китайских биржах будут допускаться ценные бумаги иностранных компаний, – это шаг по пути превращения Шанхая в международный финансовый центр. Поскольку Китай является крупнейшим импортером сырья, вполне можно представить себе, что новые основные биржевые индексы будут устанавливаться в Шанхае или других портах Китая – в конечном итоге, в юанях.

Китайские руководители будут действовать осторожно. Большинство из них выступает за сохранение контроля, который обеспечивается закрытостью счёта движения капиталов. К финансовому и банковскому рынкам, по всей вероятности, будут и далее применяться различные формы регулирования и контроля. Однако я считаю, что Китай неизбежно будет становиться все более открытым. Через 10-20 лет юань превратится во влиятельную силу на финансовых рынках.

Страны и рынки могут также пытаться осуществлять финансирование в специальных правах заимствования (СДР), основанных на портфеле основных валют.

Конечно, доллар США является и останется одной из основных валют. Однако судьба «зеленых бумажек» будет в значительной мере определяться тем выбором, который сделают США. Сумеют ли Соединенные Штаты решить проблему своего долга, не раскручивая инфляции? Сможет ли Америка поставить свои расходы и бюджетный дефицит под долговременный строгий контроль? Восстановит ли страна устойчивый финансовый сектор, способный осуществлять инновации, выполнять обязательства и приносить доход, не возродив при этом риск появления крупных «пузырей» и краха финансовых институтов? Сила доллара будет

зависеть и от того, в какой мере будет восстановлена динамичная и инновационная экономика частного сектора.

Вопрос о соотношении сил поднимается и внутри стран. Центральные банки сыграли во время кризиса очень важную роль.

Позволят ли правительства демократических государств независимым центральным банкам и далее расширять круг своих полномочий?

Конгресс США с удивлением узнал о том, насколько велики полномочия руководства Федеральной резервной системы в части создания фондов, покупки активов, разработки глобальных соглашений о свопах и совершения трансакций вне рамок обычного процесса расходования государственных средств.

Непростые отношения с банками и банкирами складываются у Конгресса со времён Александра Гамильтона. Центральный банк был создан в Соединённых Штатах лишь в 1913 году. Федеральной резервной системе удалось добиться независимости лишь после многих лет упорной работы.

Поэтому не следует удивляться тому, что американская демократия колеблется относительно того, стоит ли разрешить ФРС осуществлять надзор за системными банковскими рисками, равно как и определять денежно-кредитную политику, тем самым, ещё больше расширив её полномочия.

В Соединённом Королевстве ведутся дебаты относительно роли Банка Англии и Управления по финансовому регулированию и надзору. С этими проблемами сталкиваются и страны зоны евро, причем дополнительную сложность им придаёт наличие в каждой из этих стран своих национальных надзорных органов. Эта проблема является актуальной и для тех развивающихся стран, в которых быстро развиваются банковские и финансовые рынки.

Деятельность центральных банков в период, когда кризис достиг своей высшей точки, впечатляет. Однако остаются вполне обоснованные вопросы относительно того, как их деятельность способствовала возникновению кризиса, в том числе в том, что касается вздувания цен на активы и существенных провалов в области надзора. Нам еще предстоит увидеть, смогут ли центральные банки обеспечивать процесс восстановления, не позволяя инфляции выйти из-под контроля.

Руководитель Центрального банка Израиля, бывший заместитель директора-распорядителя МВФ Стэнли Фишер выступает за сочетание в деятельности центральных банков методов кредитно-денежной политики и пруденциального контроля над соблюдением стандартов на основе принципа организационной эффективности. Другие считают, что одна из функций неизбежно окажется «бедным родственником», или что сосредоточение двух функций в одних руках в отсутствие стороннего мнения неизбежно увеличит риск ошибок. Некоторые даже говорят о возможном конфликте интересов.

Эти дебаты отражают различные политические традиции и отношение к банкам и центральным банкам. В Соединённых Штатах было бы сложно предоставить независимым и влиятельным технократам из Федеральной резервной системы еще больше полномочий. Моё мнение относительно управления недавним кризисом заключается в том, что Министерству финансов необходимо было больше полномочий для того, чтобы объединить усилия различных регуляторов. Кроме того, Министерство финансов является органом исполнительной власти, и поэтому Конгресс и общественность могут непосредственно контролировать использование им любых дополнительных полномочий.

Еще одно наследие создателей Бреттонвудской системы – наша глобальная система торговли.

Соответствует ли она требованиям глобальной экономики?

Ответ однозначен: нет.

Если взять положительную сторону, то катастрофический опыт экономического изоляционизма 1930-х годов предостерег правительства большинства стран от попыток его повторения. До сих пор традиционный торговый протекционизм носил характер вялотекущей лихорадки. Но температура повышается.

В сжатом виде политическая экономия торговли изложена в «теории велосипеда». Учитывая наличие в большинстве стран объединений производителей – сторонников протекционизма, единственный способ противостоять их влиянию – упорно проводить в жизнь программу либерализации торговли. Потенциальные выгоды, проистекающие от открытия рынков, могут помочь также в мобилизации сил, которые будут противостоять тем, кто во весь голос требует установления барьеров.

Сегодня колёса Дохийского раунда переговоров в ВТО едва крутятся. Более того, поскольку повестка дня Дохийского раунда была разработана почти десять лет назад, сам этот процесс быстро отстаёт от новых вызовов. Нам следует добиться безотлагательного завершения Дохийского раунда – и затем идти вперед.

В рамках Дохийского раунда можно было бы урезать, поставить под контроль и даже ликвидировать некоторые сельскохозяйственные субсидии, на которые в течение многих лет не распространялась система правил международной торговли. Можно было бы немного приоткрыть рынки промышленных и сельскохозяйственных товаров в развитых и крупнейших развивающихся странах. Можно было бы «зафиксировать» на гораздо более низком уровне барьеры, установленные крупнейшими развивающимися странами, чтобы укрепить ощущение взаимных уступок и ограничить риск резкого наращивания тарифов. В рамках Дохийского раунда можно было бы также открыть рынки услуг и срезать «пиковые» тарифы в развитых странах, ограничивающие производство продукции обрабатывающих отраслей – как простейшей, так и с высокой добавленной стоимостью. В рамках этого раунда можно было бы скорректировать правила, которые слишком вольно трактовали в целях ограничения торговли. Это будут реальные достижения, которые продемонстрируют способность развитых и крупнейших развивающихся стран идти на компромисс в целях обеспечения взаимных и системных интересов.

По завершении Дохийского раунда нам необходимо оперативно выработать новую программу действий. Региональная интеграция является составной частью глобализации, однако нам нужны правила, которые позволили бы странам воспользоваться преимуществами более глубокой и всеобъемлющей либерализации отношений с другими странами, содействуя при этом развитию открытого регионализма. ВТО необходимо оказывать поддержку деятельности в сфере изменения климата, не прибегая при этом к новым углеродным тарифам. Нам необходимо противодействовать возникшему в условиях кризиса протекционизму – как финансовому, так и дотационному. Нам нужно снижать барьеры в торговле по линии «Юг-Юг». Следует расширять масштабы торговли услугами, чтобы использовать возможности для развития и экономического роста. Нам необходимо увеличить помощь беднейшим странам, которые в меньшей степени способны воспользоваться теми возможностями для экономического роста, которые предоставляет торговля.

В основу новой программы следует положить усилия Генерального директора ВТО Паскаля Лами, которым оказывает поддержку Группа организаций Всемирного банка, по увязыванию содействия развитию торговли с помощью торговли. Чтобы в полной мере воспользоваться возможностями, предоставляемыми снижением торговых барьеров, бедным странам необходимы: региональная интеграция, которая увеличила бы размеры рынков и обеспечила бы доступ к ним для стран, не имеющих выхода к морю; системы энергоснабжения; инфраструктура; логистические системы; доступ к финансированию торговли; помощь в обеспечении соблюдения стандартов; упрощение таможенных и пограничных процедур. Грузовикам раньше нужно было потратить два дня на пересечение границы между Кенией и Угандой. Сегодня единый пограничный пост, созданный при помощи Всемирного банка, сократил время пересечения границы до двух часов, а то и меньше.

В то время, когда 44 государства создавали Бреттонвудскую систему, экономическая мощь была сосредоточена в небольшом числе государств. Гигантские волны деколонизации ещё только зарождались. Немногие развивающиеся страны воспринимались как объекты исторического процесса, а не его субъекты. Но этот мир давно канул в Лету. Новая реальность политической экономии XXI века требует иной системы.

Какой будет роль развивающихся стран после кризиса?

Кризис продемонстрировал рост влияния крупных развивающихся стран – не только Китая и Индии, но и других. На деле, баланс сил в мировой экономике возвращается к соотношению, которое уже существовало

примерно двести лет назад, в преддверии промышленной революции, но с добавлением нового игрока – Северной Америки.

Развивающимся странам следует сыграть в период восстановления одну из ключевых ролей. Большинство авторов прогнозов ожидают слабого спроса из-за падения активности потребителей в США. Многие развивающиеся страны могли бы расширить спрос, получив доступ к финансированию. У них есть бюджетные возможности для заимствований, но они не могут получить средства в нужных им объёмах и по разумным ставкам, не ограничивая при этом в займах свой частный сектор. Кроме того, в странах со средним уровнем дохода проживает около 70 процентов беднейшего населения планеты. Группа организаций Всемирного банка и региональные банки развития могут оказать им содействие.

В целом, множественность полюсов роста окажет благоприятное воздействие, создав более сбалансированную и инклюзивную модель мирового экономического роста. Инвестиции в инфраструктуру, людские ресурсы и частный бизнес позволят странам Латинской Америки, Азии и Большого Ближнего Востока внести свой вклад в восстановление нормального состояния мировой экономики в новых условиях.

Со временем одним из полюсов роста могла бы стать и Африка. В большинстве африканских государств мне говорят одно и то же: африканцам нужны энергоресурсы, инфраструктура, более продуктивное сельское хозяйство, динамичный частный сектор и интегрированные региональные рынки, встроенные в систему открытой торговли. Наверное, нечто подобное можно было услышать 60 лет назад в разорённой войной Европе.

Перед кризисом показатели экономического роста в ряде африканских стран выходили на все более впечатляющий уровень, прочно удерживаясь на нем. Выход из кризиса может открыть новые возможности. Некоторые китайские производственные компании планируют, при поддержке со стороны правительства, перенести свое основное производство в Африку. Группа организаций Всемирного банка совместно с Китаем изучает вопросы развития новых промышленных зон, в которых такие предприятия обеспечивались бы инфраструктурой, электроэнергией и подготовленными кадрами.

Помимо Китая, проекты в странах Африки, предусматривающие освоение природных ресурсов и развитие инфраструктуры, возможно, будут осуществляться и другие страны. Бразилия заинтересована в распространении своего опыта развития сельского хозяйства. Индия строит железные дороги. Это – начало тенденции, которая будет усиливаться.

Группа организаций Всемирного банка может предложить противовес финансовому и торговому протекционизму, поддержав процессы такого развития на общемировом уровне. В рамках IFC – нашего учреждения, оказывающего содействие частному сектору, – мы создали новую Корпорацию по управлению активами, которая будет заниматься инвестициями в банки, акции, инфраструктуру и реструктуризацию задолженности. Параллельно с этим мы оказываем поддержку рынкам облигаций в местных валютах и осуществляем инвестиции в эту сферу. Долгосрочные инвесторы, такие, как суверенные и пенсионные фонды, сегодня признают, что развитые рынки тоже сопряжены с рисками, и что рынки развивающихся стран имеют хорошие перспективы роста.

Заключение

Выходя из нынешнего кризиса, мы имеем возможность пересмотреть нашу политику, архитектуру и учреждения. Мы имеем возможность создать новую глобальную систему для XXI века – систему «ответственной глобализации», которая способствовала бы сбалансированному росту мировой экономики и финансовой стабильности, направляла бы усилия членов мирового сообщества на борьбу с изменением климата и открывала бы новые возможности для беднейших слоёв населения. Это означает наращивание тех преимуществ, которые несут с собой открытость рынков и торговли, инвестиции, конкуренция, инновации, дух предпринимательства, экономический рост, информация и обсуждение идей. Такая глобализация должна быть одновременно всеобъемлющей и устойчивой, сочетать расширение возможностей с заботой об окружающей среде.

Однако всё это не произойдет само по себе.

В апреле на саммите «Группы двадцати» в Лондоне лидеры стран «двадцатки» заглянули в экономическую бездну. Сегодня опасность – не свободном падении, а в самоуспокоенности. По мере ослабления кризисных

явлений будет всё сложнее убеждать страны сотрудничать, чтобы было «легче отстроиться заново». Взаимная оценка новой Рамочной концепции динамичного, устойчивого и сбалансированного экономического роста, принятой на прошлой неделе на саммите «Группы двадцати», – хорошее начало, однако это потребует выхода на новый уровень международного сотрудничества и координации, в том числе – готовности воспринимать всерьёз итоги глобального мониторинга. Взаимная оценка должна будет стать взаимным побуждением к действию.

Одним из первых испытаний станет изменение климата. Среди ключевых задач, которые предстоит решить в декабре в Копенгагене, – создание стимулов, которые побудили бы развивающиеся страны участвовать во внедрении стратегий низкоуглеродного экономического роста. Принимая соответствующие решения, необходимо будет создать стратегию, сочетающую процесс постоянного сокращения выбросов парниковых газов с поощрением технического прогресса, адаптации и экономического роста.

Нам нужна система международной политической экономии, которая отражала бы новую многополярность экономического роста. Необходимо, чтобы её неотъемлемой составной частью, «ответственными заинтересованными сторонами» стали державы с растущим экономическим весом; при этом необходимо признать, что в этих странах по-прежнему живут миллионы бедных, а сами эти страны имеют дело со сложнейшими проблемами в области развития. Необходимо, чтобы эта система в полной мере использовала энергию и поддержку со стороны развитых стран, население которых ощущает тяжкое бремя задолженности, тревоги в связи с конкуренцией, и считает, что новые державы должны принять на себя свою долю ответственности. Необходимо, чтобы эта система помогла протянуть руку беднейшим и самым слабым странам, тем 1,6 миллиарда людей, которые до сих пор живут без электричества, и «нижнему миллиарду», попавшему в тиски бедности из-за конфликтов и несостоятельности управления.

Глобальные финансы и валюта. Торговая система. Всеобъемлющее и устойчивое развитие. Изменение климата. Государства, страдающие от нестабильности и конфликтов. И целый спектр других проблем безопасности. Каждая из этих проблем важна сама по себе. Но все они взаимосвязаны.

Странам мира никогда не удастся эффективно решить эти проблемы, если они не будут сотрудничать между собой. Экономическая многосторонность ушедшей эпохи не отражает сегодняшних реалий. Нам необходимо модернизировать принцип многосторонности и рынки.

В соответствии с договорённостями, достигнутыми на прошлой неделе в Питтсбурге, «Группа двадцати» должна стать главным форумом международного экономического сотрудничества между промышленно развитыми странами и странами с растущим экономическим весом. Но она не может быть неким автономным комитетом. Равным образом, не может она и не учитывать мнение 160 стран, которые в неё не входят.

«Группе двадцати» следует взять на себя функции координатора усилий целого ряда стран и международных учреждений. Она могла бы отмечать взаимосвязанность проблем и выявлять моменты, представляющие взаимный интерес. Такая система не может строиться по иерархическому принципу и не должна быть бюрократической. Если дать соответствующий толчок, этими вопросами могли бы заняться и другие группы, ведущие переговоры, международные организации, а также глобальные и региональные учреждения. МВФ, Группа организаций Всемирного банка, ВТО, Совет по финансовой стабильности и учреждения ООН могли бы привлекать внимание стран к проблемам, проводить анализ, вырабатывать общие решения и помогать в осуществлении политики.

Чтобы работать эффективно и укреплять свою правомочность, международные учреждения также должны развиваться. Распределение голосов в них должно отражать влияние и новый круг ответственности развивающихся стран и давать возможность услышать мнение бедных. Им необходимы прозрачность и умение работать с сетями, объединяющими частный бизнес, фонды и организации гражданского общества, равно как и друг с другом.

До кризиса международное сообщество уже пыталось привести прежний международный экономический порядок в соответствие с происходящими переменами. Нынешние потрясения открыли нам глаза на колоссальные недочёты и злободневные нужды. Пора наверстать упущенное и двигаться вперёд.

Вопрос в том, насколько лидеры могут сотрудничать в деле управления переменами. Они, как это и должно быть, будут руководствоваться интересами народов стран, которые они представляют. Однако, вместе с тем,

перед ними встанет задача признать общие интересы и руководствоваться ими не только в отдельных случаях, но и в рамках учреждений, отражающих принцип «ответственной глобализации».

На наших глазах Бреттонвудская система подвергается серьёзному пересмотру. Он продлится дольше тех трёх недель в Нью-Гэмпшире. В этом процессе будет больше участников. Но он столь же необходим. Будущие потрясения – какими бы они ни были – уже зарождаются. Подчините их себе, иначе они подчинят себе вас.